

Андрей Кузечкин

Абориген-дайджест

ТЕКСТ СОДЕРЖИТ
18+
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ФТМ

Андрей Кузечкин
Абориген-дайджест

«ФТМ»

Кузечкин А.

Абориген-дайджест / А. Кузечкин — «ФТМ»,

Это документальное повествование о жизни сельского учителя впервые появилось на страницах журнала «Октябрь» (в сокращённом виде) и получило премию журнала за 2006 год. Полная версия публикуется впервые! «Читая о буднях современной русской „бурсы“ (аллюзию на Помяловского Кузечкин дает уже в эпиграфе к публикации), и смеешься, и плачешь над удивительным „циническим реализмом“ этой прозы», – Юлия Качалкина.

© Кузечкин А.

© ФТМ

Содержание

Цинический реализм как он есть	5
Фотосессия «Один день Андрея Сергеевича»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Кузечкин Абориген-дайджест

Воздвиженский подходит к висящей на стене ландкарте, берёт в руки кий и начинает путешествовать по европейской территории.

– Ну, поезжай, мой друг.

– Европа, – начинает друг.

– Раз, – считает учитель.

– Азия.

– Два, – считает учитель.

– Испания, – продолжает камчатник, заезжая кием в Белое море, прямо к моржам и белым медведям.

Раздаётся общий хохот. Учитель считает:

– Три.

Помяловский «Очерки бурсы»

Цинический реализм как он есть

– Ну что, пойдёшь в армию.

Подобрав отвисшую челюсть, автор этих строк робко поинтересовался:

– Как это?

– Пойдёшь в армию. Весной.

– А отсрочка? По закону положена отсрочка!

Военком открыл лежавшую на столе брошюрку и прочёл статью Закона, гласившую, что работающий в школе педагог подлежит призыву на действительную воинскую службу по окончании учебного года – в весенний призыв.

– Разрешите? – Я пробежался глазами по строчкам и на той же странице отыскал другую статью, куда более соответствующую моему случаю: учитель с высшим педагогическим образованием, работающий в сельской школе, получает отсрочку от военной службы на всё время работы – то есть, *вообще* не призывается.

Твердолобый милитарист отказался считать меня человеком с высшим педагогическим образованием:

– Как называлось твоё учебное заведение? Нижегородский Государственный Университет. Где слово «педагогический» в названии? Нету.

– Что же, – говорю, – меня все эти годы обманывали, когда говорили, что я получаю высшее *педагогическое* образование? Да и ваш коллега из военкомата города Бор подтвердил, что я имею по закону отсрочку как сельский учитель.

Военком замолчал. Я почти слышал, как в бронетанковой башке со скрипом вертятся какие-то колёсики.

– Ну, – сказал он неуверенно. – Во-первых, тебе нужно принести справку, что твоя школа является сельской...

– Пожалуйста!

Получив требуемое, военком куда более нерешительно, совсем не по-армейски, добавил:

– А ещё нужна справка, что ты действительно там работаешь...

– Извольте!!

Он мялся:

– Всё б ничего, но вот название твоего университета. Было бы слово «педагогический», вопросов бы не было... Ладно, сейчас, чтобы все вопросы отпали, позвоним адвокату.

С юристом говорил недолго, поглядывая на ксерокопию моего диплома:

– Тут парень претендует на отсрочку... Закончил ННГУ... Специальность – филолог, преподаватель. Да, есть слово «преподаватель». Да, – военком повесил трубку и как ни в чём не бывало произнёс:

– Ну что же, работай сколько душе угодно. Никто тебя не побеспокоит.

И произнёс небольшую речь следующего содержания: я, мол, считаю, что каждый парень должен послужить в армии, но согласен также и с тем, что каждому – своё.

Этакий вояка-либерал!

Из здания я вышел еле живой, доплёлся до склона холма, на котором стоит городок – центр небольшого района, затерянного в глубине области. Здесь, в пяти минутах ходьбы от военкомата, была отличная скамеечка, с которой можно было полюбоваться на реку Ветлугу. Долго приходил в себя. Тело моё, хлебнувшее могильного холода, вновь набиралось жизненных сил.

Вот и начало моей небольшой книги. О чём она?

Классический сюжет «деревенской» прозы: юный, полный знаний, светлых надежд и любви к своей профессии, самоотверженный учитель прибывает в сельскую местность, надеясь обрести в лице деревенских детей плодотворную благодатную почву для собственных педагогических разработок. Разумеется, реальность оказывается суровей, чем он предполагал. Долгое время молодого преподавателя никто не принимает всерьёз – ни коллеги, ни ученики – но он упорно работает над собой, ищет новые пути к ребячьим сердцам, штудирует специальную литературу... И вот случается чудо: дети, зачарованные интеллектом наставника, наконец-то проникаются к учителю уважением. Позабыв про шалости и лень, они берутся за учёбу и становятся примерными заключёнными концлагеря, имя которому – государство.

Ничего подобного в этой книге вы не прочтёте. К учительскому делу главный герой имел весьма отдалённое отношение.

Тогда, возможно, автор сделал упор не на педагогические изыски, а на лихой сюжет? Молодой учитель приезжает в далёкое село подобно тому, как новый шериф прибывает в полузаброшенный городок Дикого Запада? Село кишит юными, но вполне созревшими бандитами, которые уже свели в могилу не один десяток учителей. Что остаётся делать? Драться. Очень кстати юный педагог оказывается киборгом-убийцей, как в старом, добром боевике «Класс 1999-го года», и начинает гвоздить шалопаев из всех подвернувшихся под руку калибров, а уцелевших сажать за учебники. И вновь хэппи-энд.

Увы. Экстрима в этой книге не предвидится, хотя бы потому, что главный герой не очень-то любил общаться с местными. В свободное от работы время он сидел дома в состоянии глубокой депрессии. Никуда особенно не ходил, ни с кем особенно не общался, очень остро чувствуя собственную чуждость, но не сильно переживая по этому поводу. При этом местные парни относились к молодому чужаку хорошо, с пониманием, признавали его право на странности и никогда не пытались причинить ему никакого вреда. А по большому счёту, просто не обращали на него внимания, поскольку тот не мог быть их собутыльником – за это невнимание автор им очень благодарен.

Тогда, может быть, главный герой – отъявленный Дон Жуан? Может, счастливого читателя ждут эротические приключения на сеновалах, в рощах и на берегах полноводной реки Ветлуги? Описание многочисленных интимных сцен, возникавших между пришлым педагогом и отъевшимися на натуральных продуктах крепкими деревенскими девками?

Уже ближе. Чуть-чуть любовной лирики в «Дайджесте» будет, но только необходимый минимум. Остальное – просто коллекция наблюдений за самыми обыденными явлениями жизни. И никаких попыток реформировать систему образования! Молодой учитель оказался панком, равнодушным к общечеловеческим ценностям. Я вовсе не хочу сказать, что автор –

плохой педагог. Он вообще не педагог. Проработав год, благополучно унёс ноги. Но смог увидеть за этот год кое-что, о чём и написать не грех.

Одно могу пообещать: в этой повести нет ни слова вранья. Ни одной высосанной из пальца ситуации, ни одного вымышленного персонажа. Всё, что описано в «Абориген-дайджесте», имело место быть в действительности. Конечно, когда тот или иной диалог или эпизод воссоздаётся по памяти, многое теряется – но, по крайней мере, я ничего не придумал.

В этой книге будет много «Я». Причина тому – не эгоизм, а стремление наиболее полно выразить собственную точку зрения. И потом, согласитесь: любые произведения мемуарного типа отдают эгоцентризмом, порой граничащим с самовозвеличением. Вам не нравится, что в каждом втором предложении – местоимение «Я»? Так автор и пишет о самом себе, о своих жизненных перипетиях, о своих взлётах и падениях, о своих друзьях и врагах, возлюбленных и недоброжелателях! И разве отдельная личность не представляет собой нечто достойное внимания? В каждом индивидууме можно увидеть нечто типическое. Возможно, мне удастся продемонстрировать некоторые тенденции, которым подвержена современная молодёжь. Как поётся в одной шуточной песенке:

Щас полно таких, как я,
Не ругайте их зазря,
А то скоро пожалеете об этом!

Дабы не задеть ничьих чувств, обещаю сразу: вы не встретите на страницах этой книги ни названия посёлка, где я обитал целый год, ни, тем более, подлинных фамилий тех, с кем я работал и кого пытался учить. Это обычный посёлок, каких тысячи в нашей стране, населённый обыкновенными людьми. Не хочу никого оскорблять. Но и снисходительно облагораживать не собираюсь.

Учителям свойственен некий профессиональный идеализм, а, точнее, профессиональное лицемерие и даже профессиональная слепота. «Сначала любить, потом учить!» – гласил лозунг, висевший в учительской одной из нижегородских гимназий – той самой, где я проходил педпрактику на пятом курсе. (Пусть каждый поймёт этот лозунг в меру изошрённости собственной фантазии.)

Пожалуй, стоит отвлечься и немного рассказать об упомянутой гимназии, точнее, об одном из её 9-х классов. Этот класс дважды появлялся на одном из центральных телеканалов. Первый раз – в связи с уроками «чести и достоинства», или как там это у них называлось. Суть уроков состояла в разыгрывании сценок следующего содержания: мальчик направляется домой к девочке под разными предлогами, надеясь к ней поприсесть – девочка же наоборот, придумывает отказы. «На улице дождь, пойдём к тебе домой?» «Не надо, я лучше тебе зонт вынесу, вернёшь, как только сможешь». Хорошие уроки, нужные. Правда, все они не стоят одной-единственной упаковки презервативов, предусмотрительно положенной в кармашек любимой дочке или сыну. Учиться пользоваться этой резиновой дрянью надо начинать с детства. Я вот постиг сию науку не сразу и с большим трудом.

Второй раз эти же ребята сняли отличный короткометражный фильм и победили на каком-то фестивале. Сюжет такой: в переполненный автобус заходит старушка, и единственный, кто уступает ей место – водитель. Автобус дальше не идёт. Просто, как всё гениальное.

Несколько первых в жизни уроков я провёл не в этом талантливом классе, а в параллельном, не менее способном. Уже тогда понял, что никогда в жизни не буду работать учителем. Не люблю профессии, так или иначе посягающие на самое дорогое – человеческую свободу. Учитель же только этим и занимается: принуждает детей заниматься тем, что им, если честно, совсем не нужно.

Сельские школьники далеки от городских гимназистов. Восьмиклассницу Машу Членопалову судят за кражу самогона. Юристы просят прислать её характеристику. Подсудимая пьянствует, наплевательски относится к занятиям в школе, с 11 лет спит с мужиками, о чём знает весь посёлок, включая младших школьников.

Вместо того чтобы написать в характеристике Членопаловой одну-единственную фразу – «Первая шалава на селе!» – завуч Надежда Евгеньевна берёт своё золотое перо и пускается в словесные излияния: «Очень способная девочка... отлично ладит с одноклассниками... проявляет интерес к занятиям...» Ничего не поделаешь – педагогическая фальшь. Ребёнок, будь он хоть трижды подонком, признаётся абсолютной ценностью. Хотя, возможно, что это и правильно. Не я придумал педагогическую систему и не мне её реформировать.

Вот Вы, дорогой мой студент (любого пола), занимающийся в педагогическом вузе и мечтающий о карьере учителя. Вы проштудировали всех Макаренков вместе с Песталоццами. Вы пришли на первый урок идеально подготовленным. Вы приветствуете своих ангелочков словами: дорогие дети, сегодня мы с вами отправимся в увлекательное путешествие... А один из этих ангелочков очень спокойно встаёт и очень спокойно говорит: ты у меня сосать будешь. Дословная цитата, кстати. Рассказал об этом случае одной романтической девочке, собирающейся работать в школе. Сперва обалдела. Потом загрустила.

Что там писал Макаренко? Взять хама за загривок и садануть рожей об парту? Если даже он ничего подобного не писал, Вы, дорогой мой, сами, своей рукой это туда впишете. Рассуждать, каким терпеливым и целеустремлённым должен быть учитель, это одно, и совсем другое – молча вытирать плевки с собственного лица, пусть и в переносном смысле.

Беда в том, что учитель в принципе незащищен перед детьми. Телесные наказания – дело подсудное. На «двойки» всем детям давно наплевать, тем более, что к концу четверти учитель сам будет своих двоечников вытягивать на тройки, чтобы себе же жизнь не испортить. Не успеваешь лоботряс – кто же в этом виноват, как не учитель? Не сумел заинтересовать. Вот и единственное спасение для педагога. Смог сделать так, чтобы дети полюбили его (именно его самого, внешность, характер, личность), а потом уже распространили любовь и на преподаваемый им предмет – имеешь успевающий благодарный класс. Не смог – сражайся, как умеешь. Всего-то и оружия у тебя, что никому не страшные «двойки», а также жалобы родителям учеников и директору школы, плюс собственные голосовые данные. Хотя и криками детишек не очень-то прошибёшь.

И главное: ребёнок неприкосновенен. Он тебя хоть обхаркает с головы до ног, ты должен молиться на своего мучителя, как это делает завуч Надежда Евгеньевна, весьма своеобразный человек. На мою жалобу, что ученица 6-го класса Наталья Изрыкалова отвратительно себя ведёт (залезает на уроках под парту и сидит там весь урок, орёт на весь класс, рисует картинки, вместо того, чтобы писать упражнения), завуч отвечает мне тихим вкрадчивым голоском:

– Наташа – девочка творческая, к ней нужен особый подход...

А сама ведь не меньше моего от Натальи натерпелась!

Врать не буду – к небольшому количеству детей нашёлся-таки особый подход, мы даже подружались, хотя работе педагога это вредит. На остальных я с большим удовольствием наплевал. Читали ли вы «Республику ШКИД»? Как называли бывшие беспризорники учителей-самозванцев, преподававших лишь ради того, чтобы казённым куском разжиться? Правильно, халдеи. Это название древнего народа отлично распадается на два русских корня: ХАЛтурный ДЕЙатель. Это я и есть. И в педагогике я подался ради того, чтобы от армии откосить. Не буду вдаваться в подробности, почему армейская служба меня не привлекает. Скажу лишь: мне просто это не интересно. Люди моего типа молча кивнут и от дальнейших расспросов воздержатся.

Другие скажут: ага! Выделяешь себя в какой-то особый тип людей!

Выделяю. Что дальше?

Считаешь себя лучше других?

Считаю, что все люди разные, и каждый волен делать то, что считает нужным. Никакими государственными документами не убить право личности на свободу выбора.

Ладно, не отвлекаемся.

Вот другой пример педагогического лицемерия – пожалуй, самый безобидный. Девятиклассница Алёна Тигрентьева – круглая отличница. И однажды в учительской разгорается спор: классная руководительница 9-го класса требует, чтобы Алёне единственную четвёрку в четверти, по предмету «экономика», исправили на пять. Известно, круглый отличник – это огромный плюс для престижа школы, ибо данные об успеваемости учащихся всех районных школ поступают в РОНО, а там, исходя из этих сведений, распределяют по школам разные блага. Да к тому же классрук была по совместительству матерью этой самой Алёны – ничего удивительного, что она требовала отличной отметки для дочери.

Валентина Александровна, что вела экономику, отказалась наотрез: на пятёрку не знает. Хоть режьте меня – пять не поставлю. Не за что. Мать настаивает: дайте ей индивидуальное задание! Да чего давать, чего тянуть, если она не знает? Валентина Александровна идёт на принцип. Пусть эта четвёрка послужит Алёне уроком, чтобы в следующей четверти она без вытягивания за уши сама бы всё выучила на отлично! Но сердобольной мамаше и заботливому классруку пятёрка нужна немедленно. И в учительской начинается то, что грозит гибелью всему живому в радиусе ста метров – женская перепалка.

А вот просто-таки вопиющий пример педагогической фальши.

Мы готовились к очередному школьному празднику. Завуч высказала безупречную с педагогической точки зрения идею: танцы как таковые не несут никакой воспитательной нагрузки. Вот если в середине дискотеки провести несколько конкурсов!

Вслед за предложением поступила скептическая реплика от меня:

– Конкурсы – это, конечно, неплохо. Но я их вести не буду. Потому что если посередине дискотеки отключить музыку, поднимется пьяный хай: «Включите обратно!»

Эх, что тут началось! На меня набросились со всех сторон, загалдели:

– Да что вы такое говорите, Андрей Сергеевич! На школьные праздники *нельзя* приходить в пьяном виде!

Я-то знаю, что нельзя. Учителя знают. Даже ученики, и те знают. Но наивным было бы думать, что детишки соблюдают этот запрет. Достать на селе самогон проще, чем шнурки завязать, тем более что у многих детишек родители и сами промышляют самогонварением. На все танцы старшеклассники приходят навеселе, но учителя предпочитают этого не замечать. А если и замечают, то ужасаются: что творится! Дистанция между старшим поколением сельских жителей и их детьми-школьниками невероятно велика: это две группы людей, каждая из которых обитает в своей геологической эпохе. Именно это – старорежимный взгляд на жизнь и на формирование личности подростка (простите за термин ненавистной мне лженауки) плюс собственное пуританское воспитание – не позволяет пожилым учительницам разглядеть то, что очевидно мне.

– В одиннадцатом классе мальчики и девочки между собой не дружат, – вздыхает бедная старенькая женщина.

Ещё бы! У них в одиннадцатом девочки все, кроме одной, целочки, а парням хочется живого мяса, потому и ищут они девчонок других, искушённых.

А то такой случай: меня попросили перед Осенним Балом прочесть стихотворение Сергея Есенина. Ничего не имею против этого автора, но в стихотворении встречается слово «конопляник». Предупредил педагогов сразу: оно вызовет у детей истерический хохот. Мне не поверили. Я прочитал стихи, злосчастное слово постарался проговорить так быстро, чтобы слушатели просто не успели его уловить. Но они уловили. И кое-какие смешки были. Ещё бы! Для современного подростка конопля – это прежде всего курительная травка для веселья.

Глупо было бы предполагать, что учителя и вовсе не догадываются об истинном облике (а не том, который они демонстрируют при взрослых) своих обожаемых деток – о нём просто не принято говорить. А если кто-то и говорит, то с преувеличенным страданием, с изумлением на лице и непременно с виноватым видом. Мол, уж простите меня, что вспоминаю о таких тяжёлых сторонах жизни.

А я вот не понимаю: чему здесь изумляться, из-за чего страдать?

Читатели, верно, уже считают меня врагом всего живого. Дескать, говорит о всяких ужасах и бравирует своим равнодушием.

Не будьте ханжами, господа! Я пишу о самых отвратных явлениях жизни как о чём-то само собой разумеющемся именно потому, что они и есть нечто само собой разумеющееся. В этом суть того, что я называю циническим реализмом.

Будучи студентом, я работал во время летних каникул на фабрике мороженого. Бригада грузчиков состояла из парней 18–20 лет, крепких, весёлых, дружных. Вместе развлекались по ночам, на следующий день во время обеденного перерыва делились впечатлениями, давась хохотом:

– Мы вчера ночью полгорода утрамбовали! («Утрамбовали» – это значит, избивали с особой жестокостью, а не просто чуть-чуть попинали.) Идём, навстречу какой-то мужик, говорит: как на вокзал пройти, я не местный... «Ах, ты не местный?! Ну-ка, иди сюда!» Там рядом была стоянка такси... Пока мы его трамбовали, он таксистам орал: «Помогите! Я заплачу, только вытащите!» Мы его так отпинали, что аж мясо с лица начало отслаиваться...

Кто это говорит? Террористы, скинхеды, бандиты или, может, сатанисты? Нет – самые обычные среднестатистические пацаны, учащиеся ПТУ, не имеющие никакого отношения к оргпреступности, чёрным культам и националистическим партиям. Будущие шофёры, инженеры, бухгалтеры, будущие мужья и отцы. Для них нет ничего необычного в том, чтобы напиться и слоняться по ночному городу, до полусмерти избивая всех, кто чем-либо не понравился. Или накуриться «травы» прямо на рабочем месте. Или поделиться с товарищем таким вот замыслом: мол, хочу себе мобильник раздобыть, поеду в Толоконцево, где наркоманы тусуются, и у кого-нибудь «приватизирую».

Впрочем, кое-какие волнения за содеянное всё же терзают их душу... «Пацаны, вы не в курсе: мы вчера никого из «авторитетных» не задели?» То есть, уважаемый читатель, если вы не относитесь к преступным «авторитетам», то, завидев ночью толпу пьяных парней, немедленно прячьтесь. Если же они напали – выхватывайте пистолет (газовый, ударный, пневматический, да хоть боевой!) и шмаляйте напрямик промеж глаз ближайшему из нападающих. Они вас не пожалеют – и вы их не жалейте.

Это я к чему, собственно? К тому, господа, что не закрывайтесь вы от гадостей жизни, а столкнувшись с ними – не ужасайтесь и не удивляйтесь: «Как это, мол, так?» Мой совет: принимайте любую проблему как данность и спокойно ищите решение. Если оно есть.

Фотосессия «Один день Андрея Сергеевича»

Фотография № 1. «Пора вставать, Андрей Сергеевич!»

На этом утреннем снимке я сплю на диване под одеялом, на котором нет пододеяльника. Справа от меня ободранный бок печи, позади столик с мелким барахлом: походными шахматами, вазой с искусственными цветами, пакетиком сухариков, часами, книжкой, фотографией в рамке. На той фотографии, что стоит на столе, изображён один из эпизодов моего прошлого: сцена, на которой играет рок-группа. Два вокалиста (один – повыше, второй – пониже), один басист неопределённого пола (длинные волосы, подведённые глаза, покрашенные губы), один бритоголовый барабанщик. Тот из вокалистов, что пониже – я.

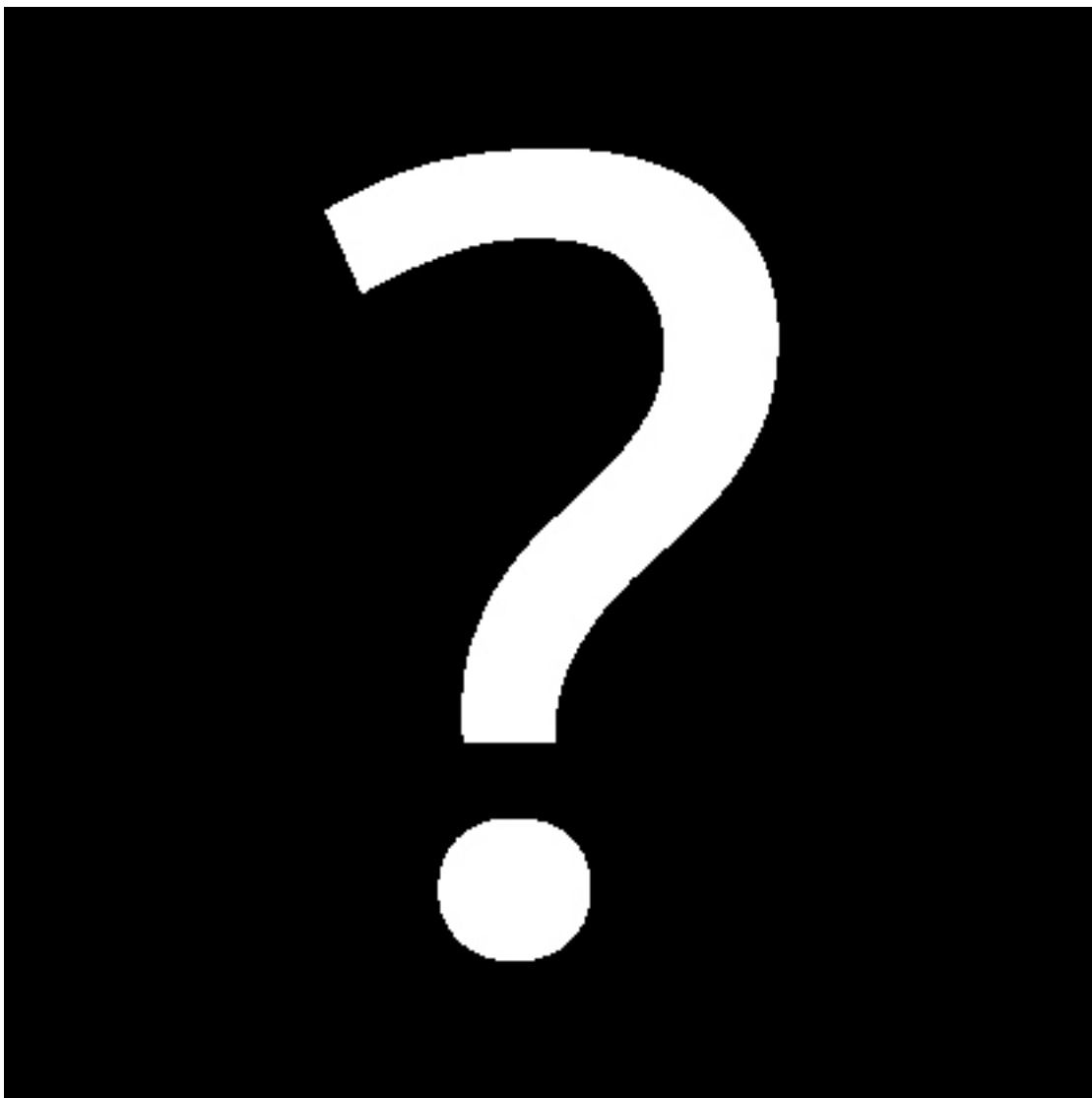
В домике две комнаты, не считая кухни. В большой комнате обитаю я, в маленькой – физрук. Кстати, вот и он.

Фотография № 2. «Скудный учительский завтрак»

Физрук Сергей Евгеньевич завтракает. Мешает чай ложечкой. Рядом с металлической кружкой лежит кусок белого хлеба, намазанный маслом. В центре стола – тарелка с печеньем, заварочный чайник, сахарница. Позади стола – стена, украшенная огромным фотоплакатом: лесисто-каменистый берег моря, скалы, сосны.

Физруку столько же лет, сколько мне. Ниже меня ростом, короткие волосы всегда уложены набок и чуть-чуть выдаются вперёд маленьким козырьком. Серьёзен, хорошо знает своё дело, мастер на все руки, отличный спортсмен, владеет борьбой. Представляет собой тип хорошего деревенского парня, будущего отца семейства и крепкого хозяина, у которого в доме никогда не будет ни скрипеть крыльцо, ни протекать крыша. Родом он из деревни, находящейся недалеко от посёлка, где мы работаем – ездит домой по выходным на собственном мотоцикле.

Фотография № 3. «Такси свободен!»

Калитка нашего домика, рядом физрук на «железном коне», красном «Иж-Планета 8». Подробнее рассказать не могу: эту фотку у меня слямзили – видимо, некие тайные обожатели Сергея Евгеньевича.

Фотография № 4. «Рассекаем!»

Сделана из-за спины физрука, когда мы едем на работу, вдвоём оседлав мотоцикл. Асфальтовая дорога уходит к самому горизонту, справа тянется убогая изгородь из тонких сереньких дощечек, видны кое-какие домишки. Посёлок, где мы живём, возник сравнительно недавно, в советское время, построен на тят-ляп: дома, больше похожие на бараки, от времени посерели. Довольно жалкое зрелище. Пример того – школа.

Фотография № 5. «Школы дом обветшалый»

Фотография № 6. «На занятия»

Три ученицы 11 класса идут в школу. Один парень из тех, что закончил школу два-три года назад, сказал мне с большим удовольствием в голосе, рассматривая этот снимок: «Я их всех знаю, а эту особенно близко». Как мне потом сообщили, ту, о ком он говорил, знали подобным образом многие.

Фотография № 7. «Педагог рулит»

Андрей Сергеевич ведёт урок в шестом классе. Стоит в распахнутой джинсовой куртке и пятнистой фиолетово-белой футболке, в руке указка, позади доска, правее – географическая карта «Российская Федерация».

Разве я не сказал? Я вёл географию. Чем не работа для истинного филолога, для которого самое главное – умение трепать языком и выпутываться с помощью этого из любой ситуации?

«Ты ж параллель от меридиана не отличишь!» – в ужасе кричал один из моих друзей, узнав о выбранной мной вакансии. Неправда. Все годы, что я учился в школе, в моей комнате висела карта мира, которую ваш слуга покорный часто рассматривал от скуки, и очень многое запомнил. Один восьмиклассник как-то раз на перемене начал задавать мне каверзные вопросы: называл города и страны и просил показать, где они находятся. Я отыскал всё, причём довольно быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.